

Баллада о Таре

Гор. Тара.

Успенский собор и пожарная.

Известный князь Андрей Елецкий,
Потомок рюрикских ветвей,
Привел сюда отряд стрелецкий
Сквозь глушь лесов и ширь полей.
Царь повелел острог поставить,
Кучума-хана извести,
Вести торговлю, мирно править,
В округе пашню завести.
От речки Тары недалече,
Увал приметив, князь сказал:
«Здесь граду быть! Стоять повечно,
Как царь российский наказал!»
У Иртыша всю рать собрали:
Татар, казаков и стрельцов.
«Наказ» тот дяки зачитали,
Что подписал сам Годунов.
На день Успения Елецкий
В честь града Камень заложил,
А ратный люд и люд жилецкий
Вина по чарке осушил.
Стук топоров и пил визжанье,
Разноязычье голосов
И лошадей ближирских ржанье
Ворвались в девственность лесов.
Вплоть до Покрова без усталы
Трудились ратники все дни.
Мастеровые помогали
Им из Тобольска и Перми.
И вдоль высокого увала,
Где ветер в дебрях бушевал,
На месте бывшего привала
Из бревен город вырастал.
Тот город Тарою называли,
Высоким тыном обнесли,
Глубокий ров вокруг вскопали,
На башни пушки занесли.
Шесть грозных башен вдоль острога
И пять, чуть меньших, у Кремля
Были внушительны и строги,
Как оказалось, что не зря.
И на берегу реки могучей
Руси возникли рубежи.
А на еланях под Чекрышей
Стрельцы вспахали поле ржи.
Года спрессованы в столетья,
Под звон твоих колоколов.
Победы миг и лихолетья
Мерцают в блеске куполов.
Спустя два года, караваны,

Пришли сюда из Бухары.
Сибирский мех из юной Тары
Купцы впервые увезли.
В победной поступи походов
Ты утверждала власть свою
И долю львиную доходов
Вносила в русскую казну.
В свои всего четыре года
Ты крах Кучуму нанесла,
О чем твой младший воевода
В Москву послал с письмом гонца.
Бежал, разбитый под Барабой
Тот хан в Нагайские пески.
И поименно наградою
Были отмечены стрелки.
Царь Годунов в честь той победы
Велел звонить в колокола,
В церквях молиться до обеда
И веселиться до утра.
Как факт падения Кучума
По воле тарских воевод
Живой трофей страны угрюмой
Москва увидела в тот год.
В кибитках, цугом запряженных,
Везли кучумовых детей,
Всех жен, по-русски наряженных,
И хану преданных людей.
Народ в Кремле смотрел на пленных
На жен Кучума, сыновей,
На верблюдов, коней отменных,
На Тарой присланный трофей.
Вся Русь от князя до холопа
Потом победой той жила,
И удивленная Европа
На карты Тару нанесла.
Уфа, Мокшанск, Устюг Великий,
Елец, Елатьма, Тверь, Рязань —
Отсюда шел люд разноликий.
Своих людей дала Казань.
Вела торговлю с Бухарой,
Проведая конный путь в Китай,
Дружна была всегда с Ургой.
И горный знал тебя Алтай.
Сюда шли струги из Тобольска
Везли железо из Перми,
Мечи ковали здесь для войска,
На совесть делали серпы.
Шли караваны из Яркенда,
Из Хив, Хорезма, из Урги,

Купцы здесь были из Ташкента,
Доставив пряности, ковры.
Твой горнистай был лучшим в мире,
Доход большой давал казне.
Он на гербе твоём отныне,
Что на газетной полосе!
Из Тары путь в Сингай китайский
Казак Тюменец описал.
Жаль, свиток тот посол британский
В свой Альбион тайком забрал.
Водил Москвитин с Копыловым
Тарчан на Тихий океан.
И русский стяг в краю суровом
Они несли, как талисман.
Была знакома им Камчатка,
Туман Курильских островов,
Пролив Татарский, мыс Лопатка
И дальний остров Прибылов.
За век свой долгий повидала
Немало смелых воевод,
Осады с ними отражала
У стен, у башен, у ворот.
Старков, Воейков, князь Гагарин
Шаховский Юрий, Чеглоков.
Их знал и русский, и татарин
Из волостей и острожков.
Мехами Тара торговала,
Посудой знатных гончаров,
Ловила рыбу, мед качала,
Гордилась славою кузнецов.
Барабу первой обживала,
Шля землешащев, ямщиков.
Им избы ставить помогала
А для охраны — казаков.
У Карташевского редута
Встречала недругов своих.
Война ли шла, была ли смута
Ты не пускала дальше их.
Не раз пожарами пылала.
Сгорала вся, порой дотла.
И вновь из пепла оживала.
Чтоб рубежи стеречь могла.
Имела чин ты порубежный.
Его, как прапор берегла.
И в мирный век, и в век мятежный
России предана была.
Тайшей с почетом принимала,
И лишнего слов не говоря,
Ты в мире жить им предлагала,

«Под оборону» свою берея.
На «горькой» линии имела,
С десятком разных крепостей.
Их службой править ты умела,
В заботе вечной, за людей.
Решил Джунгарии Тайша
Твои форпосты уничтожить,
И вдоль седого Иртыша
Людьми, как прежде, верховодить.
А ты, в ответ их укрепила,
Еще ряд новых создала.
И порох свой сухим хранила,
Пока угроза не прошла.
Твой южный щит у Карташево
Привел в восторг Петра — царя.
И он, по счету, по большому
Благодарил тебя не зря.
Немало в Таре побывало
России славных сыновей,
Им хлеб и кров предоставляла
И тройки скорых лошадей.
Проездом были здесь: Хабаров,
Поляков, Дежнев, Прибылов,
Семен Челюскин и Баранов,
Прончищев, Атласов, Попов.
Два века центром воеводским
Ты службу трудную несла.
Была строга, порою — жесткой,
Хотя по-своему права.
Ты повидала пленных шведов,
После Полтавы рывших рвы,
Бояр опальных, беглых смердов
И разноликой голытьбы.
Тепло Радищева встречала —
Здесь дважды был проездом он,
И декабристов провожала,
Кандалы слыша перезвон.
В войну двенадцатого года
Гусарам шла кивера.
И звон подков твоих Европа
Нередко слышала тогда.
Здесь декабрист Владимир Штейнгель
Семь долгих лет с тобой делил.
И честь свою, как флаг на стеньге
Моряк достойно сохранил.
Стреле подобно тракт сибирский
Тебя рассек купеческо-ямщинский
Подвластный лишь колоколам.
Москву недолго убеждала

Поставить крепость на Оми
Ее и строить начинала,
Не раз спасала от беды,
С Петром Великим в спор вступила,
Указ о троне не признав.
И чашу горькую испила,
В немилость царскую попав.
Москва всегда тобой гордилась,
Стоял ли мир, иль шла война
Когда ж ей трудно приходилось
Ты, как всегда, на помощь шла.
Для Транссибирской магистрали
Из Тары шпалы в Омск везли.
Туда повозки направляли
И землекоп с лошадьми
Тарчане были при Цусиме
Где проявили свой порыв
Громили турок при Изриме
И шли в Брусиловский прорыв
Стал год семнадцатый тревожный,
Словно рубеж в твоей судьбе.
И залп с Невы «Авроры» грозной
Услышан в каждой был избе.
В войну гражданскую слыта ты
Оплотом местных партизан
Оберегала их пенаты,
Продукты им везла в урман.
Стоят близ Тары обелиски,
Как шрамы зверства Колчака.
Сельчан погибших на них — списки
И боль, и память на века.
Зерно свое переправляла
К далеким Карским берегам
Тот хлеб морями доставляла
В голодный Питер, москвичам.
Ты целый округ возглавляла
Была тебе такая честь!
Хозяйством сложным управляла
Всех дел твоих — не перечесть.
Рубец от раны нанесенный
Оставил год тридцать седьмой
Немало ложно обвиненных
Тарчан погибло той порой
Когда фашисты пол-Европы
С паучьей свастикой прошли.
Ты нас учила рыть окопы
И как врага встречать в штыки.
Война пришла к тебе внезапно,
Но не врасплох тебя нашла.

Твой митинговый голос страстно
Звучал как ротная труба.
На фронт немало проводила
Своих сынов и дочерей
Как мать их всех благословила,
И чтоб вернулись поскорей.
На фронт повозки поставляла,
Приклады, ящики, чехлы
Носки и варежки вязала
Кисеты шила для махры.
Ты всю войну недодела
Не досыпала, как всегда
Все силы фронту отдавала
Всплакнув по-бабы, иногда
И похоронки получала
На в битвах павших сыновей.
Их имена в бреду шептала
Устами жен и матерей.
Ты знала голос Левитана
Его боялась и ждала
И репродукторы включала
С одним вопросом: «Как Москва?»
Людей немало приютила
Ты в годы трудной той войны
И юность флота сохранила
Под общим именем «спецы».
Сквозь ад безжалостной блокады
По зыби Ладожского льда
От стен героя — Ленинграда
Дорога в Тару пролегла.
Стал кораблем Дом Обороны
Где жили в кубриках «спецы»
Наук учили здесь законы
И треугольники стрельбы.
Два года флотом ты дышала
Размерив жизнь под склянок бой
Ты стоны смироно принимала,
Чтоб флаг приветствовать морской.
Твоих немало добровольцев
На фронт ушли в годы войны
Парней веселых — комсомольцев
Девиченок — в звании «медсестры»
Вели бои под Старой Руссой
Дрались за древний город Ржев
Отец семьи, иль сын безусый
Во имя жизни — смерти презрев.
Едва бои те утихали
И в непривычной тишине
На Тару письма вы писали

Родимой матери, жене.
Вы танки жгли Гудериана
Кончали бои не раз штыком
Иль рукояткою нагана
Случалось — даже кулаком.
«Тайфун» тарчане укрощали
На ближних подступах Москвы
Хребет фашистский поломали
У Волги — матушки реки.
Атаки Готта отражали
Повергли Паулюса в прах
С Фон Клюге спесь в боях сбивали
Ускорив Рейха полный крах.
Днепровский берег штурмовали
Вели бои за Балатон
Под Кенигсбергом умирали
Прощальный Таре шлея поклон.
Чтоб битый враг внял хорошенько
И нас за слабых не считал
Сержант из Тары — Мартыненко
В Рейхстаге роспись начертал.
Лежат тарчане под Москвою,
Под Луцком, Ржевом, под Орлом
Под Сталинградом, подо Мгою
Кто командиром, кто бойцом
И в память тем, кто в битвах пали
Кто нам свободу отстоял
В центральной части древней Тары
Навечно воин в каске встал.
Хранят стонь, металл и мрамор
Тарчан погибших имена,
И скорбь к земле склоненных прапор
Как завещанье, на века.
Здесь не шумит прибоем море
Нет полных ветром парусов
Согласны все, притом не споря
Что Тара — город моряков.
Открыла ты музей «спецшколе»
Знать, бредят флотом пацаны
Им в древней Таре снится море
И лишь в Ассоль все влюблены
Клуб «Альбатрос» — как подобает
Расправил крылья — паруса
И тот, кто раз здесь побывал
Полубит море навсегда.
Тебя «спецы» все вспоминают,
Как гавань первую свою,
Тарчан тех лет не забывают
И щедрость строгую твою.

Ты их всегда тепло встречаешь,
Как мать любимых сыновей
Их — офицеров, адмиралов,
Российских рыцарей морей
Нам дорог с детства город Тара
Его история, судьба.
Безбрежность близкого урмана
И гладь седого Иртыша.
Пятью церквями подпирала
Ты таинств полных небеса
Века тарчан всех покоряла
Их первозданная краса
Звено «Златого орежелья»
Сибирских первых городов —
Хранишь ты бережно творенья
Эпох прошедших мастеров.
Центральной площадью гордишься,
Как Красной площадью Москва
Подобно птице ввысь стремишься
Надежно строишь — на века.
Ты в эти дни помолодела,
Сняв ношу нескольких веков
Наряды лучшие надела
Сияешь в радуге цветов.
Живешь ты жизнью современной
Имеешь даже свой Арбат.
Но остается неизменным
Характер твой, как говорят.
Экраны светят голубые
В окне бревенчатой избу
Окончив будни трудовые,
Здесь смотрят «Новости» Москвы
Имеешь центр медицинский
«ДеКа» манит всегда людей
И стадион твой «ОЛИМПийский»
Принять готов всегда гостей
И вширь, и ввысь растешь годами,
Зимой и летом — вся в цвету
Многоэтажными домами
Ты воплощаешь в явь мечту
Цеха, участки, мастерские,
Артели, школы, РСУ,
Здесь твои будни трудовые,
Здесь твое завтра наяву.
Отсюда в мир искусства вышел
И самородком засверкал
Твой паренек Ульянов Миша,
Что «Председателя» сыграл
Посланец в Думу от Сибири

Сергей Бабурин в Таре жил
Он тем известен ныне в мире,
Что ложь «верхов» с трибун громил
Живут тарчане на Алдане
В Тюмени, Омске, Темрюке,
В Москве, на Волге, на Алтае
И в заполярной Вогкуте.
А думы их — меридианы
К тебе идут, как к полюсам,
Прибыть сюда все будут рады
Здесь рады будут — всем гостям
Их всех радушием встречаешь,
Особо чтить ты земляков,
Им свою душу раскрываешь
Находишь много теплых слов.
Прошло с момента поставленья

Сто сорок тысяч с лишним дней
Трудов, невзгод и вдохновенья,
Хранимых в памяти твоей.
Ты в пятый век со дня рожденья
Шагаешь поступью бойцов,
Живешь трудом и вдохновеньем
И мудрым опытом отцов
Стоишь надежно, как Россия,
В грядущих жить тебе веках,
Сурова в гневе, как стихия
Нежна как мать, в любых летах!
Гремит оркестров медь над Тарой
В улыбках лиц — твоя судьба.
О, нет, не будет Тара старой,
Какая б сотня лет ни шла!

